

Михаил КОРДОНСКИЙ

Права собачьи

Рассказ боцмана

Палуба у меня 700 метров. Представляешь? Как от тебя вон до телебашни. Там он и гулял и бегал на скорость. Танкер почти ни в какой порт не помещается, я с судна по полгода не схожу. Пришли мы в Гамбург, и настала, наконец, пора везти моего Принца домой, к родной семье. А так у него семья — экипаж. Кинологи говорят, что у собаки, выросшей в таких условиях, есть свои особенности, и они таки правы, я убедился. Ну, это отдельная байка.

Рассказ Нины, жены боцмана

Сделала я с утра плов на всю семью, в таком большом тяжелом казане, с тяжелой крышкой. Вся остальная посуда у меня и в холодильнике, и в шкафы влезает, их не трогать Олег Принца с самого начала обучил. А этот казан я оставила на плите остывать. Приходим вечером все голодные — с работы, со школы, с продленки. А казан пустой, крышка рядом валяется. Принц, видите ли, проголодался. Ну, Олег берет эту крышку и со всего размаху Принца по голове, по голове: "Нельзя! Нельзя!". Поучил, в общем, от души. Но Принц же у нас такой — он все понимает буквально. То есть он все-все-все понимает, но буквально

но. Через пару дней сварила я в том же казане борщ. Приходим домой — крышка на месте. А борща нет. Принц слопал, а крышку на место поставил. Вот как ему сказали, так он и понял. Тогда Олег взял весь казан и... повторил обучение. Теперь уже я в этом казане варю спокойно и оставляю на плите...

Продолжение рассказа боцмана

Фило бразильеро (ну, оформил я его как дворнягу), восемь месяцев от роду, размером, понятно, с теленка. Все справки выправил: ветеринары, таможня — все. Билеты на самолет купил: себе — самый дешевый, а ему — с предоставлением клетки, в общем, все как положено.

Прошли мы с ним регистрацию, он все понимает: лежит в своей клетке смиренно. И тут одна девочка из аэропортового персонала начинает качать права. Да не авиакомпания, а гринписовские. Оказалось, она у них активистка.

(Из расспросов Олега мне не удалось установить, создавала ли инцидент Green Peace или какая-то другая эколого-правозащитная организация. С точки зрения Олега "да все они гринписы", то есть он употребляет это слово как существительное нарицательное. — М. К.)

Приходит она с зеленой книгой и зачитывает:

— Собака в клетке должна иметь возможность сидеть.

— Принц, сидеть! — говорю.

Он, понятное дело, сел.

— Собака в клетке должна иметь возможность стоять.

Есть такое дело.

— Собака в клетке должна иметь возможность повернуться.

Командую я ему, он с трудом трется о стенки, но разворачивается на все сто восемьдесят.

— Собака в клетке должна чувствовать себя свободно. О! Он не чувствует себя свободно!

Тут же эта стервочка достает мобильник, и в багажный зал вламываются десятка полтора гринписов. Минуты через три — наверное, за дверями стояли. Не уверен, что полиция бы так быстро прибежала. Гринписы так шустро разворачивают плакаты, перекрывают оба выхода и начинают хором кричать: "Требуем прекратить издевательства над животными!"

Прибегают начальство аэропорта, представители авиакомпании, потом и пара полицейских, но они соблюдают полный нейтралитет. Аэропортовцы начинают переговоры с гринписами. И со мной, естественно. В той же Бразилии, конечно, или нас с Принцем, или гринписов выбросили бы за борт, а здесь, в Европе, мы с ним законные пассажиры с билетами, а они — законные граждане. Все при своем праве.

— Вы можете оставить собаку здесь, — предлагают гринписы. — У нас есть приют для животных, мы ей создадим прекрасные условия.

— Да вы с ума сошли?! Здесь полтора часа лету, а этот пес со мной почти с рождения, я для него родной, я его семья! И он моя семья! Какие такие у вас права животных, чтобы из-за полутора часов неудобств с семьей разлучать?! Да мы с женой и первым ребенком три года прожили в одной комнате 15 метров, без туалета, без кухни, без ничего и с дровяной печкой. Так что, у нас за это ребенка в детдом забирать?

В общем, эти переговариваются, мы переругиваемся, гринписы машут плакатами и скандируют, Принц лежит в клетке и на все это смотрит. Вылет самолета задерживается на час.

(Это был какой-то из больших "Боингов". Уже потом, когда вся эта мерзость кончилась, Олег заметил, что салоны были заполнены примерно на две трети. Значит, примерно 200 человек, несмотря на немецкую точность, не вылетели вовремя из культурного европейского аэропорта в нашу дикую, бесправную для животных и для людей страну. Они ждали, пока будут защищены права собаки чувствовать себя свободно. — М. К.)

В авиакомпании, конечно, профессиональные менеджеры. Пока мы все орем, они ищут новую клетку. Нашли ее — понятно где, в зоопарке, согласовали по телефону размеры и вес.

— Мы берем на себя, — говорят мне авиаторы, — аренду клетки и расходы, связанные с увеличением места и веса в полете. Но не могли бы вы хотя бы оплатить доставку клетки из зоопарка в аэропорт? Это примерно двести долларов.

(Мелочь, конечно, и можно ради прав собачьих забыть, что значит у нас для семьи с тремя детьми двести баксов, заработанные нелегким трудом, восьмимесячным отсутствием в семье отца и мужа. — М. К.)

Конечно, я соглашаюсь, уже там двести — не двести. Они же, гринписы эти, ничего не понимают. Мне же Принц уже как родной. Бегу я в банк, меняю доллары, потом в другую кассу оплачиваю, а время идет, самолет не вылетает.

— Вот, — говорят, — уже отгружают клетку, ждем.

Ну, ждем. Город большой, зоопарк далеко, аэропорт тоже, пока то да се... В общем, улетели мы с Принцем. На три часа задержали весь самолет.

(Итак, в этом самолете были люди. ЛЮДИ. Наверное, их ждали родные или дела службы. Наверное, у многих из них были пересадки, а самолет-то летел из Европы к нам, а не наоборот. Не уверен, что у нас людям, опоздавшим на пересадку не по своей вине (а по чьей?) предоставят бесплатные билеты на другой рейс. А если и предоставят, то рейсы здесь не каждые пятнадцать минут, бывает, его несколько суток ждать надо. Страдали ли эти люди? Близкие, которые их ждали? Дела других людей, по которым они летели? Кто ответит за эти страдания? Не может же быть, чтобы все двести пассажиров этого рейса летели по делам прав животных. Пока еще такая ситуация маловероятна. А в будущем?)

Хотите ли вы жить в обществе, где права животных важнее прав людей? И где защитники прав (дюжина с плакатами) точно подходят под гениальное определение Орвелла: они "более равны, чем другие" — те, другие, что в самолете?

Ох, как хитер и точен Ван Зайчик, назвав в своей утопии полицию и прокуратуру "человекоохранительными органами"! Жизнь подставляет нам все больше случаев, когда защита прав и защита людей противоречат друг другу. — М. К.)

Александр ГАЛЯС

«Уходящему — поклон, остающемуся — братство»

"Русские вечера в Украинском театре" — не правда ли, звучит заманчиво, где-то даже вызывающе. Хотя в чем, собственно говоря, вызов? Русская и украинская культура всегда развивались в таком тесном переплетении, что только глубоко невежественные люди могут пытаться противопоставить одну другой. Для людей нормальных, попросту говоря, образованных, никакого вызова, противостояния, коль речь идет о культуре, нет и быть не может. Культуры разных народов, сталкиваясь друг с другом, друг друга и обогащают, размеетса, если речь идет о подлинных явлениях культуры, а не суррогате типа "русского шансона". Потому автор проекта "Русские вечера в Украинском театре" — известный тележурналист и продюсер Игорь Покровский — легко и просто нашел общий язык с директором Украинского музыкально-драматического театра им. Василько Валентиной Прокопенко. Тем более что для "первого блина" предложил вариант просто блестящий — провести встречу с Анатолием Смелянским.

Для людей театра, для заядлых театралов это имя, можно сказать, сакральное. Для прочих же читателей поясним, что крупный театровед Анатолий Миронович Смелянский два десятка лет был завлитом МХАТа, правой рукой и верным помощником Олега Ефремова, а нынче является ректором Школы-студии МХАТ. О том, насколько его ценят, говорит эпизод, случившийся в самолете, выполнявшем рейс Москва-Одесса. Так получилось, что этим же рейсом летело немало артистов, причем весьма известных. А где собирается несколько мастеров сцены — там понятно что: веселье, байки, шум не без "подогрева". Однако, как только господра актеры увидели входяще-

го в самолет Смелянского, они тут же — как по команде — прекратили шуметь и все дружно встали, приветствуя его.

Тем не менее, я лично на встречу со Смелянским шел с некоторой опаской. Дело в том, что буквально пару месяцев назад наконец-то удалось прочесть его скандально известную книгу "Уходящая натура" — увлекательный, но далеко не бесспорный рассказ о театральном быте советской эпохи на примере, прежде всего, МХАТа времен Олега Ефремова. Книга эта еще до своего появления успела наделать много шума и даже вызвала поток гневных отповедей.

Обиделись не последние в театральном мире люди — драматург Михаил Рошин, театровед и телеведущий Виталий Вульф, известный театральный критик Григорий Заславский — это лишь часть тех, кто высказался публично. Скандал получился громкий, благодаря чему книгу не самого ходкого жанра размели буквально в несколько дней. Трудно сказать, рассчитывал ли автор на столь жесткую реакцию на свое сочинение со стороны некоторых театральных людей. Сам Смелянский утверждает, что и в мыслях не имел подобного, а скандал вызвала публикация в "Известиях" одной из глав. Вот как это произошло — со слов А. Смелянского:

"Я уезжал на два месяца преподавать, и сотрудник отдела культуры газеты "Известия" Юра Богомолов попросил меня: "Ну, дай что-то для публикации". — "Ну, я не знаю что, я тебе по интернету пришлю книжку, которую я только что закончил". И я послал ему книгу — просто для ознакомления. И когда я уже уехал из России, я получил по e-mail сообщение, что "мы прочитали: и я прочел, и мои товарищи в руководстве газеты, и мы хотим печатать подряд главами". Я был страшно смущен, потому что театральные книги "Известия" не печатают.

Некоторые подумали, что это моя пиаровская акция, поскольку время такое смутное... Ну, подождите, ребята, вот книжка выйдет — почитайте... потому что кто-то один мне говорит: "А вот эта глава называется "Когда разгуляется" — это про пьянку, что ли?". Я говорю: "Когда разгуляется — это строчка Пастернака, это "когда развиднеется", когда жизнь становится ясной...". Для меня Ефремов в ситуации "разгуляется" — это Ефремов другой! Мощный, абсолютно сбросивший с себя все социальные оковы, то есть — свободный человек! Вот про это я хотел написать. Но в "Известиях" дали "Когда разгуляется" без каких-либо объяснений, иллюстрацию Пиросмани — стол, где сидят, гуляют, — и пошло, и поехало..."

На самом деле, все, конечно же, гораздо сложнее. Как писал известный критик Алексей Бартошевич: "Книга Анатолия Смелянского задумывалась как своего рода глоссарий, чтобы на примере истории МХАТа 70-80-х годов пером очевидца зафиксировать "уходящую натуру" советской цивилизации. Суть и смысл "Уходящей натуры" не в том, чтобы задним числом предать быт и нравы театрального совка заслуженному поруганию, но чтобы показать, как в условиях увядающего, усталого, близящегося к своему концу, но все еще могущественного режима, вопреки ему, жил и развивался настоящий театр, полный энергии, бесстрашия и красоты. Один из многочисленных парадоксов российской истории заключался в том, что время, позорное в политическом отношении, стало эпохой великого театра, искавшего опору и вдохновение в прямом или скрытом противостоянии власти".

"Уходящая натура" читается, как говорится, на одном дыхании, и в таких случаях встреча с автором всегда немного интригует: окажется ли он сам — в живом общении — на высоте своего письма? Сомнения развеялись быстро — блестящий театральный писатель оказался и прекрасным рассказчиком — интеллигентным во всех своих проявлениях (что, согласитесь, нынче большая редкость). Поскольку вечер так и назывался — "Уходящая натура", понятно, что Смелянский не мог обойти вниманием свою книгу. Он пояснил, что писал не о распаде МХАТа, а о распаде советской цивилизации, частью (и до определенной степени олицетворением) которой был этот театр. Это может показаться мистикой, утверждает Смелянский, но именно МХАТ — это своего рода полигон, на котором все проверяется, и все, что происходило со МХАТом, то потом происходило и со страной. Еще до революции Качалова спросил однажды, почему так потускнел Художественный театр. На что он ответил: "Вся Россия потускнела, что же Художественному театру не потускнеть?". Так было в начале XX века, так оно произошло и в его конце — сначала разделился Художественный театр, потом развалился Советский Союз.

Смелянский постоянно возвращается к этой теме; чувствуется, что события двадцатилетней давности прошли через его сердце. И даже когда он рассказывает об эпизодах смешных — вроде посещения Брежневым спектакля "Так победим!" с Калягиным в роли Ленина (а эта история вызывает гомерический хохот зала), — он все равно "остается в теме": смертельно больной Генсек последний раз в своей жизни пришел не в какой-нибудь театр, а именно во МХАТ...

К сегодняшнему театру ректор Школы-студии МХАТ относится двойственно. С одной стороны, ему, повидавшему "многое и многих", мало что может нравиться на нынешней российской сцене. "90 или даже 99 процентов вещей, — признался как-то Смелянский, — сделано на потребу, как у Салтыкова-Щедрина говорят: преискурнт на лице. С другой стороны, для ректора театрального вуза, ежедневно общающегося со студентами, то, что кажется всегда умозрительным — "новое поколение приходит", "жизнь обновляется", — реальность, даже повседневность. "Я очень хочу быть с театром завтрашнего дня, — признается Смелянский, — мне совершенно не хочется назад".

Свой вечер, как и книгу, Анатолий Смелянский назвал кинематографическим термином "Уходящая натура". Обычно попытку сохранить Время, эту самую "натуру" редко бьвают удачными. Но встреча в Украинском театре стала одним из редчайших исключений.